

"Книжное обозрение" 16 марта 1988 г.

Наш корреспондент встретился с известным прозаиком Евгением Ивановичем Носовым и попросил его ответить на несколько вопросов.

ГАРМОНИЯ СТИЛЯ

— Евгений Иванович, в издательстве «Советская Россия» у вас вышла новая книга «За долами, за лесами». Как она родилась?

— Книга сеялась, сеялась и высеялась... Она сложилась из рассказов, тщательно отобранных. Рассказ удачным получается тогда, когда писатель как можно меньше выдумывает. Рассказ — это, что увидено, пережито. С одного погляда он не получится.

— Что вы скажете о рассказе как о жанре литературы?

— Это строго индивидуально. Практически невозможно писать «под кого-то». Всякий настоящий писатель — неповторим. Он вырабатывает свое клеймо в литературе, работает собственным стилем, своей формой.

В рассказе, как в любом жанре искусства, неизбежна специализация. Ни один художник не может написать рассказ обо всем: вчера — о рабочих, сегодня — фантастическое, завтра — о колониальной политике. Он, конечно, может это сделать, но успех придет только тогда, когда напишет о том, что хорошо знает.

Специализация неизбежна. Она имеет свой резон — дает возможность литературе выиграть во времени, в решении тем: что мне ехать в деревню, если я там живу; или зачем мне ехать в Магнитогорск, если я там не живу. Специализация ускоряет процесс познания жизни. Знание темы — очень важно: если знаешь и любишь народ, нужно знать и «болезни» его.

У меня четыре книги не были специализированы, я их считаю распыленными, неконкретными. И они никого не трогали. Стоило написать только два рассказа, социально звучащих, — и все журналы откликнулись. Это говорит о том, что когда пишешь вообще, никого не задает. По-моему, такое было и с другими писателями. Жизнь заставляет отбрасывать побочные темы, брать главные, которые составляют основу творчества.

— Что приводит вас к

мысли написать рассказ, как вы всматриваетесь в жизнь?

— Вещь, непременно, должна быть продуманной.

Рассказ может быть написан сразу, по непосредственным впечатлениям, и написан по старым впечатлениям, отложившимся в складках памяти. Правил о том, как рождается рассказ, не существует. Как-то написал я рядовой рассказ — «Рассвет» — традиционный по замыслу: как предполагает начать свою работу человек, выбранный председателем. В разговоре председателя и матери речь идет о несоответствии жизни в городе и в деревне. Если в городе ботинки стоят 2 р. 20 к., то в деревне — 3 рубля. Сейчас правительство уравнило цену, а раньше было так, хотя непонятно почему.

Мать рассказывает, как одна женщина выложила две пачки сотенными за одну шубу. Для нее это удивительно; на такую сумму она могла бы купить корову или дом... То, как была куплена шуба — тема нового рассказа. Зарождение новой темы — как ветка, на которой три почки: одна засохла, другая, а из третьей развились листочки...

В рассказе «Рассвет» большое место отведено разговорам, это опасно: можно впасть в болтовню. Так случилось с моей повестью «Затмение луны». Первая часть, я считаю, получилась — в ней мало болтовни; вторая часть — слабее. Мы почему-то считаем, что искусство должно поучать слушателя, читателя. Это исходит из нашего желания получить поскорее результат от воспитания. Но мы забываем, что назидание надоедает. «Шуба» — рассказ, как мне думается, удачный именно потому, что в нем нет назидания.

— Как, на ваш взгляд, формируется внутренний мир писателя?

— Опыт писателя, его внутренний мир формируется из частного опыта. Важно, как он провел детство. Детство занимает неперенное и важное место и в творчестве. Это — первооснова формирования мировоззрения. Дальше — от обстоя-

тельств: куда повлечет тебя жизнь.

У меня все это происходило довольно своеобразно. По природе я — романтик. У меня были игры, которые сам придумывал. Было увлечение кораблями. Были Майн Рид, Жюль Верн. Была потребность души в высоких сферах, хотя детство было голодное и полураздетое. Я научился стихийно рисовать. Это тоже была попытка удержаться в своих руках человека, воспроизвести его. Но это не сделало меня художником-романтиком. Когда я работал в областной газете, стал писать. Сейчас могу сказать, что это были вещи легкомысленные, незрелые, несамостоятельные, робкие.

— Вы так же, как и Виктор Астафьев, были на войне. Почему для вас эта тема не стала главной, как у Астафьева?

— Видите ли, я не чувствовал себя достаточно зрелым для того, чтобы взяться за тему войны. О войне хочу написать по-своему, никого и ничего не повторяя. В замысле — повесть о солдате, о том, как в период отупления он шел деревнями и нашел ребенка, которого взял с собой... Это своеобразное понимание темы, когда и выстрелов нет, а война; состояние бойца, гуманные качества характера, через это показать силы народные... Наиболее свободно я себя чувствую «на деревенской» теме. Мое романтическое воспитание каждодневно сталкивалось с суровыми картинами быта. Родственники по материнской линии у меня и сейчас живут в деревне; все они прожили трудовую жизнь, когда я приезжал, видел, как нелегко им все досталось. Кроме того, поскольку я был газетчиком, много ездил. В общем, могу сказать: о деревне знаю все: что воткнуто в застывшую, где сверчок живет, чем топят, что едят... Так что личный деревенский опыт в сочетании с конкретным опытом жизни — может питать еще долго.

— Вы много ездили, много видели. Что вас больше всего поразило, запомнилось?

— Поражает не то, что хочется, чтоб человека поразило. Меня поразила старушка, продающая цветы, которую я видел десять лет назад. И до сих пор на том же месте она продает цветы.

Я видел Кижы. Они меня не поразили, хотя, конечно, могу сделать вид, что удивлен.

— Как вы стали литератором?

— В литературу потянуло потому, что это оказалось моим подлинным призванием. Хотя, конечно, бывает: даже если ты и хочешь стать писателем, это не всегда близко к исполнению. А бывает, что ты и не думаешь, а становишься им.

— Всегда ли вы получаете удовлетворение от своего труда? Можно ли сказать: ваш труд — ваша радость?

— Очень часто мне кажется, что рассказ не получился, и вместе с тем у меня не было ни одного забракованного рассказа. В основном я всегда сам чувствую, что у меня так, а что не так. Могу сказать о своей вещи, как о чужой. Я работаю так: двадцать листов в корзину, один — в дело. Пишу строка к строке — если она корявая, не могу писать дальше. Получается сразу как бы начистую. Если я страницу перевернул, к ней уже не возвращаюсь. Очень много читаю себе вслух написанное, чтобы не обрывался музыкальный настрой, определенная интонация. В каждом рассказе должен быть фон музыкальный, первые два абзаца настроены на определенную волну. В рассказе «За горами, за долами» первые фразы — настроенные. Если эти фразы уловлены, рассказ будет прочитан. Это та самая стилистическая магия, когда мысль внутренняя, глубоко спрятана; когда гармония стиля, которая критиками почти не оценивается. Отсюда и моя производительность: самое большое, о чем я могу мечтать — три рассказа в год; и каждый рассказ как бы от чужой матери. В общем, написать рассказ — все равно, что родить ребенка. Зато уж потом, когда работа сделана — тебе легко, и все тебе друзья.